

Ю.М. Плюсин

Я коротко хочу коснуться темы, может быть, немного уходящей в сторону от основного направления дискуссии. Это — власть и управление в глазах провинциального общества, в глазах людей, которые живут в селах и малых городах. В некотором смысле я пробую транслировать тот образ власти и управления, который, может быть, существует в сознании простых людей. И в этой связи хочу изложить три сюжета. Сюжеты тесно взаимосвязаны: каков образ власти в сознании людей, как живет общество *вдали от власти* и, наконец, имеются ли какие-то зерна самоуправления, консолидации общества на местах, на локальном уровне.

Первый сюжет. Власть, по моим восьмилетним наблюдениям, имеет теперь в глазах простых людей три ипостаси. Прежде всего, это «*московская власть*», к которой примыкают высшие региональные руководители, губернаторы. Это власть далекая, ответственная за все беды, но совершенно не решающая проблем простых людей. Отношение к этой власти сейчас, конечно, радикально изменилось по сравнению с советскими временами, но, по наблюдениям, сильное, в негативную сторону, изменение отношения к власти произошло как раз в период подготовки президентских выборов в 1996 году. Можно сказать, начиная с того времени отношение к центральной власти у простых людей сложилось презрительное. Утратился ореол царственности этой власти, и в представлениях населения ее действия напоминают то же, что делали князя Аскольд и Дир, сидя в Киеве и собирая дань с Киевской земли. Я бы предпочел даже говорить о новом политическом периоде в России как о «шестом витке все той же политики Аскольда и Дира» (это в соответствии с бердяевской периодизацией). Поэтому недаром с 1998 года повсеместно звучало отношение к этой власти как к «*главному ракету*» в стране — особенно в среде активных людей, мелких предпринимателей. Тем не менее, все-таки люди желали бы крепкой, сильной власти. Большинство, 2/3 населения, считает, что крепкая, сильная, законная власть была бы очень полезна и необходима для общества.

Вторая ипостась власти — это «*начальники*». Это выборные местные руководители, до уровня руководителя района, которые не ассоциируются в сознании людей с центральной властью, как бы непосредственно не представляют государственную власть. А их реальная власть ассоциируется с располагаемыми ими ресурсами. Причем, финансовые ресурсы «начальников» имеют меньшее значение, чем капитал в форме промышленных предприятий или фирм, которыми они владеют. Еще большее значение в глазах людей имеет степень контроля над природными ресурсами со стороны «начальников». То есть, если местный начальник контролирует природные ресурсы, его реальная власть в глазах местного общества максимальная. Однако в целом влияние «начальников» и их возможности решения непосредственных задач населения очень невелики, практически близко к нулю.

И третья ипостась власти — это «*хозяева*», не вполне легитимные правители (точнее сказать *управители*), которые реально решают нужды людей и, прежде всего, обеспечивают их жизнь, обеспечивают население пищей и теплом. В этом смысле «хозяева» — это люди, на которых сделало ставку население. Их очень немного, обычно по 1-2 человека на село, может быть, с десятков на малый город. Но их реальный вклад в решение проблем людей очень большой. И поэтому реальная власть у них больше, чем у «начальников». А поскольку «власть московская» присутствует лишь в виртуальной

форме, то и говорить приходится только о «хозяевах» как о почти единоличной нынче власти на местах.

Получилось такое распределение власти даже не по вертикали, а, скорее, *под углом*, когда где-то есть далеко находящаяся центральная власть, под ней власть местных районных начальников, а где-то в стороне «хозяева», которые реально обеспечивают решение проблем в деревнях и в малых городах.

Второй сюжет, в связи с первым. Как же теперь выживает *покинутое* государством население? С момента последнего этапа революции (это начало 90-х годов, потому что я считаю, что наша революция продолжается уже почти столетие) и по сей день, люди в нашей стране вынуждены искать какие-то совсем новые формы жизнеобеспечения. Это способы жизни, точнее, выживания, которые позволяют людям существовать *вдали от государства*, независимо.

В результате такого, с моей точки зрения, свидетельства вакуума власти, на протяжении нескольких лет, начиная с 1992-93 года, сформировалось три основных типа (или способа) жизнеобеспечения. Один, самый характерный — это жизнеобеспечение по типу *срочного реагирования*. Я бы даже применил медицинскую терминологию и назвал его *«реанимационным»*, когда речь идет буквально о необходимости поддерживать материальную жизнь семьи самыми простыми подручными средствами. Можно назвать целый ряд таких, сформировавшихся за 8 последних лет в обществе моделей жизнеобеспечения. Прежде всего, это переход к натуральному хозяйству. Местные сообщества почти мгновенно перешли к такому жизнеобеспечению, которое наблюдалось, например, по историческим данным, еще в 12 или 16-17 веках и в России и в Европе. Другой широко распространенный способ: продажа любыми способами добытых ресурсов — от грибов, ягод, рыбы или сена до леса и золота. Еще один способ, например: преобразование хозяйственных отношений в колхозах в псевдо-рентные отношения. Эти модели реанимационного типа так или иначе существуют до сих пор, и обеспечивают их существование *«хозяева»* — третья ипостась власти.

В те же годы, в 1993-94, начали складываться формы жизнеобеспечения, которые можно назвать *«агонистическими»*, когда сообщество и домохозяйство вынуждены были прибегать к парадоксальным, совершенно неестественным в стабильных условиях способам выживания. Например, во многих регионах страны люди рожали детей, чтобы жить на детские пособия, и жили, потому что это были единственные «живые» деньги. Сначала я в это не верил, но потом обнаружил, что это было чуть ли не повсеместно. Вот, например, в 1994 году зарплата доярки была около 38 тысяч рублей, бригадира — 52 тысячи, а детское пособие составляло 24 или 28 тысяч, и его в деревнях выплачивали (правда, тогда же учителям платили по 200 тысяч и это было предметом жгучей зависти остальных). Другой парадоксальный и неадаптивный способ — жизнь семьи на пенсии стариков. В села из городов возвращались немало молодых членов семей, потому что самостоятельно они в городах прожить не могли. Наблюдался, да и сейчас есть, избыток работников, как мужчин, так и женщин. По мнению многих на селе, нынешний объем работы достаточен, чтобы его выполнили всего 10% работников, которые там сейчас живут. Остальные — лишние (с экономической кризисной точки зрения, конечно).

Сейчас, в последние 2-3 года, начал формироваться новый тип жизнеобеспечения. Я бы назвал его *экологически целесообразным* или *«экологически ориентированным предпринимательством»*. Которое тоже, кстати, связано с властью «хозяев» — не вполне легитимных *субститутов* власти. Смысл его заключается в том, что «хозяева», которым население доверило действительную власть из-за фактического отсутствия государственной власти (она, конечно, формально везде присутствует), начинают относиться не только к природным ресурсам, но и к людям как к хозяйственному ресурсу, который требует заботы и попечения. Эти ресурсы находятся в фактическом и полном

владении «хозяина» и от них зависит его экономическое благополучие. К тому же они, эти люди, облачают его еще и властью. Примеры, особенно из восточных областей страны (там, где ресурсы), я могу привести в большом числе.

Третий сюжет. В результате развития форм жизнеобеспечения реанимационного типа и, особенно, экологически ориентированного типа, стихийно, снизу, а не сверху, стала развиваться потребность в самоуправлении. Но представление о том, в чем должно заключаться местное самоуправление, каковы его политические, идеологические, социальные и экономические ресурсы, какие механизмы, перспективы — такое представление практически совсем не развито. Я могу сказать, что примерно из тысячи людей на местах, которых в силу их компетенции можно назвать экспертами, только 2-3 человека хорошо представляют себе перспективы, стратегию и тактику развития местного самоуправления. Тем не менее, нужда в этом велика. Но развитие местного самоуправления сейчас находится в латентной, скрытой стадии. И мы очень быстро приближаемся к точке перегиба, к точке консолидации, когда начнется интенсивное развитие местного самоуправления как в небольших деревнях, так и в малых городах. И это будет инициатива снизу. Причем, надо думать, что формы будут разные, в зависимости от регионов и социальных условий. Например, одни формы будут развиваться на европейском юге (на основе нынешних колхозов-«асьенд»), другие — в малонаселенных регионах, где есть развитая транспортная сеть, или там, где ее нет. Мне представляется, что роль «хозяев» в первой фазе развития местного самоуправления может быть в целом положительной (хотя есть и много отрицательных примеров).

Завершая свое выступление, я бы поставил следующий вопрос: что должна в такой ситуации делать центральная власть? Каким образом должна реагировать центральная власть на ожидаемый процесс быстрого развития местного самоуправления? С моей точки зрения, в силу отсутствия сейчас ресурсов у этой власти и оттого, что эта власть ушла от народа, лучшим методом был бы метод *попустительства*, невмешательства в сам процесс спонтанного развития самоуправления. Но поскольку так или иначе субъектом консолидации самоуправления будут «хозяева», то государству придется столкнуться с этими людьми и каким-то образом *заместить* их в будущем своими комиссарами. Поэтому важным следующим шагом государства было бы интенсивное использование идеологических, информационных методов воздействия, стимулирующих развитие местного самоуправления, но с наращиванием механизмов управления этим процессом.

А.Д. Воскресенский

Вы сказали, что с «хозяином» на местах, который, с точки зрения легитимности, достаточно сомнителен, у власти возникнут проблемы. Власти нужно будет как-то его заменить. Почему заменить, а не инкорпорировать?

Ю.М. Плюсин

Я думаю, что и инкорпорировать тоже, не только заменить. Я имел в виду заместить его функционально, т.е. изменить его не вполне легитимный статус субъекта власти.